Учреждение автокефалии: канонический аспект

Доклад доктора богословия, почетного профессора Московской духовной академии протоиерея Владислава Цыпина, прочитанный на Всероссийской Покровской конференции Московской духовной академии в 2023 году, ***опубликован порталом «Богослов.ru»****.*

Автокефальная церковь, как известно, не зависит ни от какой иной Поместной Церкви, притом что все Поместные Церкви, входя в состав единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, взаимозависимы. Автокефальные Церкви равноправны, хотя и занимают разные места в диптихе, подразумевающем преимущество чести одной из них перед другой, но не различия в правах. Церкви не одинаковы по своим количественным параметрам – по численности духовенства и мирян, по своему влиянию, по исторической роли.

Сущность автокефалии состоит в том, что обладающая этим статусом Поместная Церковь имеет самостоятельный источник власти. Ее первый епископ поставляется своими архиереями, и она сама в состоянии поддерживать апостольское преемство иерархического служения в ней. III Вселенский Собор, утверждая древнюю автокефалию Кипрской Церкви, предоставил «начальствующим в ней» свободу, «без притязания к ним и без стеснения их <…> самим собою совершати поставления благоговейнейших епископов» (8-е правило). Поскольку для архипастырской хиротонии нормальным образом требуется участие трех архиереев, а поставление совершается на вдовствующую кафедру, из этого следует, что для автокефального бытия церковь должна иметь не менее четырех епископских кафедр.

Факторами, дающими основание для учреждения новой автокефалии, могут быть полная или частичная политическая самостоятельность территории, на которой предполагается образовать автокефальную Церковь, ее географическая отдаленность, этническое и языковое отличие региона от основной территории церкви кириархальной, но эти факторы сами по себе недостаточны для автокефализации. Совершенно необходимым условием учреждения автокефалии является стремление к ней церковного народа, духовенства и епископата соответствующей области, причем значительного большинства на всех этих уровнях.

Вопрос о праве на автокефалию части той или иной Поместной Церкви и о порядке ее учреждения в наше время обнаружил критическую остроту. Вокруг него возникали в прошлом и имеют место ныне споры, которые часто приобретают болезненный характер, ведут к нестроениям и даже разделениям, вплоть до разрыва канонического общения. Для выяснения канонически

бесспорных критериев автокефалии необходимо осветить вопрос о праве дарования автокефалии. Принцип, что никто не может дать другому больше прав, чем имеет сам, – юридическая и каноническая аксиома. Поэтому основать новую автокефальную церковь может епископат Вселенской Церкви на Вселенском Соборе или каким-либо иным образом.

Исторически на Вселенских Соборах – высших и чрезвычайных органах епископской власти – действительно решались вопросы об учреждении Поместных Церквей (5-е прав. I Вселенского Собора), об их рангах, о границах между ними (2-е прав. II Вселенского Собора), об упразднении автокефалии для некоторых Церквей: так, Ефесский Собор подтвердил автокефалию Кипрской Церкви (8-е прав.), а Халкидонский Собор, признав автокефалию Константинопольской Церкви, подчинил ей ранее автокефальные Асийский, Понтийский и Фракийский диоцезы (28-е прав.).

Но поскольку Вселенские Соборы и в древности были событиями исключительными, и вот уже более двенадцати столетий не созываются, обычно вопрос о новой автокефалии решается поместным епископатом, компетенция которого, в отличие от вселенского, распространяется лишь на канонические пределы своей Церкви. При этом волю поместного епископата может выражать как полный собор, так и в исключительных случаях малый собор епископов – синод (19-е прав. Вселенского Собора, 8-е прав. Трулльского Собора, 20-е прав. Антиохийского Собора).

Таким образом, кроме Вселенского Собора, только воля кириархальной Церкви может быть законным фактором в учреждении новой автокефалии, но история знает и иные примеры. Случалось, что автокефалия провозглашалась органом государственной власти или местным епископатом, самовольно вышедшим из подчинения соборному епископату автокефальной Церкви и ее первому епископу. Незаконность подобных акций с канонической точки зрения очевидна: хотя в тех случаях, когда это было вызвано действительно назревшими потребностями церковной жизни, возникавшие вслед за самочинным актом разделения удавалось уврачевать позднейшим законным дарованием автокефалии со стороны Церкви-матери. Так, элладский епископат провозгласил автокефалию Элладской Церкви уже в 1833 г., а дарована она была только в 1850 г.; польские автокефалисты в 1923 г. пошли на незаконное отделение от Русской Церкви-матери, неправомерно получив автокефалию от Константинопольского патриархата, и только в 1948 г. вопрос об автокефалии Польской Церкви был решен в канонически правильном порядке.

Автокефалия может учреждаться и помимо установленного порядка, однако на законном основании, а именно в случае, если власть кириархальной церкви уклонится в ересь или раскол. Тогда в силу вступает 15-е правило Двукратного Собора: «Отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденныя Святыми Соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборнаго разсмотрения, не токмо не подлежат

положенной правилами епитимий, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но потщились охранити Церковь от расколов и разделения». Это правило распространяется и на верный православный епископат одной из частей Церкви, высшая власть которой удалилась от Православия. В таких обстоятельствах оказалась Русская Церковь после Флорентийского собора; потому и утвердила она в 1448 г. свою независимость от Константинополя, не испрашивая на то согласия патриарха и синода, предавших Православие и тем самым отпавших от Вселенской Церкви.

Власть поместного епископата распространяется лишь в пределах Поместной Церкви. Если этот принцип не соблюдается какой-либо Поместной Церковью, то она становится источником серьезных внутриправославных конфликтов. Поэтому канонически несостоятельны действия Константинопольской патриархии, совершавшиеся некоторыми его предстоятелями, начиная с патриарха Мелетия IV (Метаксакиса), который в 1922 г. провозгласил вымышленную доктрину о праве Константинопольского патриархата на исключительную юрисдикцию на всю православную диаспору. Это означало распространение юрисдикции Фанара на епархии, приходы, монастыри и миссии, возникшие в результате миссионерского служения иных Поместных Церквей в диаспоре. Хуже того, патриарх Мелетий IV простер свои претензии на юрисдикцию даже и на епархии, расположенные на исторически сложившейся единой канонической территории Русской Церкви, оказавшиеся в результате событий 1917 г. в новообразованных лимитрофах: Польше, Финляндии, Латвии и Эстонии. Константинопольский патриарх пошел тогда навстречу политическим интересам правительств этих новообразований, которые побуждали (или принуждали) местное священноначалие просить Константинопольского патриарха о принятии их в свою юрисдикцию. Так, в 1923 г. в юрисдикцию Константинопольского патриархата без согласования вопроса со священноначалием гонимой Русской Церкви были приняты православные епархии в Польше, Финляндии и Эстонии, в 1924 г. патриарх Григорий VII канонически незаконным образом предоставил автокефалию православной церкви в Польше, в 1935 г., после убийства священномученика Иоанна (Поммера), патриархом Фотием была принята в свою юрисдикцию – иными словами, захвачена – Латвийская Церковь.

И вот уже в наше время мы наблюдаем новые акции Фанара, нацеленные на подрыв единства Вселенской Церкви, предпринятые в интересах чуждых или прямо враждебных Православию политических сил. Речь идет о вторжении Константинопольской патриархии на каноническую территорию Украинской Православной Церкви, состоящей в единстве с кириархальной Русской Церковью, издание пресловутого томоса об «автокефалии», предоставленной по официальному прошению государственных инстанций, правивших в Киеве, раскольническим группировкам, предварительно договорившимся об объединении на инициированном правительством «самостийной» Украины и Константинопольской патриархии «объединительном соборе», при

участии в нем лишь трех лиц, имевших каноническое поставление в епископы, один из которых стал анафематствованным расколоучителем, а двое других – ренегатами, усвоение епископских степеней лицам, поставленным запрещенными в служении и изверженными из сана схизматиками. Эта авантюра, последовавший за ней неизбежным образом разрыв канонического общения между Константинопольским патриархатом, ранее первенствовавшим в диптихе, и Московским патриархатом, в лоне которого пребывает не менее двух третей всей православной паствы, породила кризис во взаимоотношениях автокефальных Православных Церквей, по своим последствиям сопоставимый с тем, который Церковь Христова пережила в XI столетии. Единство Вселенской Православной Церкви поставлено под угрозу.

В этом контексте продолжается полемика между апологетами Фанара и его вторжения на не принадлежащую ему каноническую территорию и критиками этих действий. Аргументация авторов, оправдывающих Константинопольскую патриархию, идет по двум направлениям, которые коротко можно обозначить так: с одной стороны, утверждается, что Константинопольская патриархия не вторгалась в область юрисдикции иной автокефальной церкви, потому что Киевская митрополия всегда оставалась в каноническом пространстве Константинопольского патриархата, а с другой, мол, Константинополь, обладающий одинаковыми полномочиями с теми, которые усваиваются католической экклезиологией Римской кафедре, несопоставимыми со статусом других автокефальных церквей, обладает правом принимать в последней инстанции решения, подлежащие исполнению всеми без исключения поместными церквами. Вульгаризируя подобную позицию, ее можно уподобить ситуации, когда бы похититель чужого имущества утверждал, что, с одной стороны, он ничего чужого не похищал, а с другой – что у него есть законное право на захват похищенного.

Таким образом, для анализа сложившейся ситуации необходимо рассмотреть исторический вопрос о юрисдикционной принадлежности Украинской Церкви, а затем также оценить с канонической и экклезиологической точек зрения правомерность притязаний патриархии, носящей с VII в. пожалованный ей византийским императором почетное наименование «вселенская», подобно тому как целый ряд институций Ромейской империи имел тогда почетный титул «экуменический» (т.е. вселенский), на действительную вселенскую юрисдикцию, на которую претендует Фанар.

Доводы апологетов Константинопольской патриархии относительно пребывания Украинской Православной Церкви в канонической юрисдикции Константинополя непрерывно, по сей день, не соответствуют ни историческим фактам, ни реальному положению дел, представляя собой курьез, едва ли не проистекающий из ошибки. Русская Церковь, состоя в юрисдикции Константинопольской патриархии до 1448 г., изначально представляла собой единое целое, независимо от того, где – в Киеве, Владимире-на-Клязьме или в Москве – находилась резиденция

ее главы-митрополита, титул которого «Киевский и всея Руси» подчеркивал идею единства Православной Руси, простиравшейся тогда от Карпат до верховьев Волги. Хотя и до середины XV столетия имелись предпосылки для обретения ею автокефального статуса (независимость Руси от империи со столицей в Константинополе, огромная территория, превосходившая в ту пору размеры самой империи, численность населения, по крайней мере десятикратно превосходившая население других митрополий Константинопольского патриархата), но со стороны Русской митрополии не предпринималось никаких действий в этом направлении, доколе не возникла каноническая необходимость ее выхода из состава патриархата.

Спасительные для охранения Православия акции, предпринятые в Москве в 1448 г., епископ Христопольский Макарий в докладе на злополучном синаксе, состоявшемся в Стамбуле в сентябре 2018 г., охарактеризовал с поразительным цинизмом следующим образом: «В 1448 г. Московский поместный собор, вопреки канонам, самостоятельно и самовольно избрал митрополита Иону преемником Исидору… Наши русские братья считают, что с тех пор Московская митрополия приобрела свою "автокефалию", несмотря на то, конечно, что нет никакого документа, который бы благословил данный акт». Неужели преосвященный автор этой тирады полагает, что существуют каноны, которые требуют, чтобы православные епископы оставались в юрисдикции первоиерархов-вероотступников, доколе не получат от них благословение на автокефалию? Но таких канонов нет и быть не может, зато существует 15-е правило Двукратного Собора, на которое выше сделана ссылка, предусматривающее немедленный разрыв общения с впавшими в ересь первоиерархами.

Крайнее удивление вызывает и заявление синода об отмене акта Константинопольской патриархии от 1686 г. о передаче Киевской митрополии в состав Московского патриархата. Доводы относительно пребывания Украинской Церкви в канонической юрисдикции Константинополя по сей день, несмотря на то что реальное положение дел с подобной претензией никак не соотносится, представляют собой надругательство над здравым смыслом. В церковном праве существует такое понятие, как срок давности, исчисляемый по-разному, по преимуществу 30 годами, но не веками. Если в Константинополе находили неправомерным переход Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриархата, санкционированный в 1686 г., то с тех пор прошло уже не одно столетие, времени было предостаточно для заявления протеста. Между тем в первый раз акт передачи Киевской митрополии, представлявший собой, по существу дела, восстановление изначального единства Русской Церкви, был объявлен временным и неполным лишь в 1924 г., когда после предварительного мародерского захвата Польской Церкви, которой дарован был автономный статус при святом Патриархе Тихоне, Константинопольская патриархия предоставила ей автокефалию. Патриарх Тихон признал этот вероломный акт незаконным и осудил его немедленно, а не три с половиной века спустя.

Аналогией отмены акта 1686 г. в области международного права было бы нечто вроде отмены заключенного в 843 г. Верденского договора о разделе империи, созданной Карлом Великим, на три королевства. Или более близкая параллель – отмена актов о предоставлении независимости бывшим британским и французским колониям или декретов о признании суверенитета Польши и Финляндии, изданных более ста лет назад. Этими бумажными актами созданы были реальные факты, которые неподвластны росчеркам пера ни в Лондоне или Париже, ни в Стамбуле.

В обоснование претензий Фанара на вселенскую юрисдикцию приводится своеобразная интерпретация двух правил Халкидонского Собора: 9-го и 17-го. 9-е правило гласит: «Аще же клирик со своим или со иным епископом имеет судное дело, да судится в областном соборе. Аще же на митрополита области епископ или клирик имеет неудовольствие, да обращается или к экзарху великия области, или к престолу царствующего Константинополя, и пред ним да судится». В 17-м правиле содержится следующее положение: «Аще же кто будет обижен от своего митрополита, да судится пред экзархом великия области или пред Константинопольским престолом, якоже речено выше». В Константинополе в настоящее время эти каноны интерпретируются в том смысле, будто клирикам и епископам предоставляется право подавать апелляции на судебные приговоры своих патриархов в Константинополь. Анализ исторического контекста, а также содержания этих правил позволяет сделать единственный вывод: речь идет в них о праве епископов и клириков трех диоцезов – Асийского, Понтийского и Фракийского апеллировать по-старому к экзархам этих трех областей, либо, в связи с включением их в юрисдикцию Константинополя, произведенную на самом Халкидонском Соборе, издавшем эти правила, через голову экзархов напрямую к Константинопольскому престолу, который только на Халкидонском Соборе получил право юрисдикции над этими «великими экзархатами», упоминаемыми в 28-м правиле, – Понтийским, Асийским и Фракийским. Поскольку эти три экзархата и составили Константинопольский патриархат, – при этом роль самих этих экзархов вскоре уменьшилась, – норма, заключенная в 9-м и 17-м правилах, распространяется лишь на Константинопольский патриархат в его канонических границах. Иоанн Зонара в толковании на 17-е правило Халкидонского Собора дал адекватную интерпретацию его содержания: «Мысль сего правила о разделении судилищ была бы такова: когда епископ имеет дело с соепископом или клирик с епископом, тогда судьею их поставляется митрополит, которого правило называет и экзархом округа, а когда епископ имеет обвинение против своего митрополита, тогда правило поручает суд Константинопольскому патриарху. Но не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский патриарх поставляется судьею, а только над подчиненными ему. Ибо он не может привлечь к своему суду митрополитов Сирии, или Палестины и Финикии, или Египта против их воли; но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского патриарха, а палестинские – суду патриарха Иерусалимского, а египетские должны судиться у патриарха Александрийского, от которых они принимают и рукоположение и которым именно и подчинены».

В исторически близкое нам время, два столетия назад, критическую оценку ложных интерпретаций содержания 9-го и 17-го правил дал преподобный Никодим Святогорец в «Пидалионе». Резюме его пространного толкования, ввиду его безупречной адекватности, уместно привести: «Канон говорит, что если епископ или клирик имеет дело с епархиальным митрополитом, пусть обратится к суду экзарха диоцеза, что то же самое, что клирики и митрополиты, подчиненные Константинопольскому престолу, пусть судятся или от своего экзарха диоцезального или от Константинопольского, как своего патриарха. Не говорится, что если какой-либо клирик имеет тяжбу с митрополитом чужого диоцеза, или митрополит с митрополитом какого бы то ни было диоцеза или епархии, пусть судятся от Константинопольского». Толкование преподобного Никодима – что важно подчеркнуть, принадлежавшего Константинопольскому патриархату, – не оставляет камня на камне от основанной на ложной интерпретации содержания 9-го и 17-го правил Халкидонского Собора, направленной на обоснование претензий Константинопольской патриархии на вселенскую юрисдикцию.

Действия, предпринятые Фанаром, представляют собой вторжение на не принадлежащую ему каноническую территорию. Это деяние, виновные в котором, согласно 2-му правилу Сардикийского Собора, подлежат не только извержению из сана, но, как сказано в этом каноне, «никто из таковых, ниже при кончине своей не будет удостоиваем общения, даже наравне с мирянами». Еще святой исповедник Патриарх Московский Тихон писал в 1924 г. Константинопольскому патриарху Григорию VII: «Мы немало смутились и удивились, что <…> глава Константинопольской церкви без всякого предварительного сношения с нами, как с законным представителем и Главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2-е и 3-е правила II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским признавали всегда только первенство чести, но не признавали и не признают за ним первенство власти».

8-е правило III Вселенского Собора требует, чтобы «никто из боголюбезнейших епископов не простирал власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников; но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную: да не преступаются правила отец; да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския; и да не утратим помалу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков».

Константинопольская патриархия претендует на властные полномочия по отношению к другим автокефальным церквам. Между тем принадлежавшее ей ранее первенство чести в семье Православных Церквей имело отнюдь не догматическую, но историческую природу – прискорбный факт отпадения Римского престола от Вселенского Православия, после чего вторая по чести кафедра надолго заняла первое место в диптихе. Никаких канонических преимуществ,

кроме первенства чести, это место не дает. Юрисдикционных последствий оно не имеет. Можно лишь повторить, что с точки зрения православной экклезиологии все автокефальные Церкви равноправны и место в диптихе не сообщает Поместной Церкви никаких преимуществ и привилегий в сравнении с теми Церквами, которые занимают последующие места в диптихе. Именно эта тема – о наличии или отсутствии властных преимуществ у первой в диптихе епископской кафедры – в течение многих веков была ключевой в полемике православных с католиками, и до XX века епископы, богословы и канонисты Константинопольского патриархата в этом споре отстаивали православную позицию, а в прошлом столетии, начиная с патриарха Мелетия, перешли фактически на позицию католическую, усваивая себе почти все те права в Православной Церкви, которыми в Католической обладают папы.

В связи с подобным печальным развитием событий особую актуальность приобретает послание Африканских епископов Папе Римскому Келестину, включенное в состав правил Карфагенского Собора: «Отцы судили, что ни для единыя области не оскудевает благодать Святаго Духа <...> и наипаче, когда каждому, аще настоит сомнение о справедливости решения ближайших судей, позволено приступати к соборам своея области, и даже ко Вселенскому Собору. Разве есть кто-либо, который бы поверил, что Бог наш может единому токмо некоему вдохнути правоту суда, а безчисленным иереям, сошедшимся на Собор, откажет в оном». В заключении этого послания содержится обращенное к Папе Римскому пророческое предостережение: «Итак не соизволяйте, по просьбе некоторых, посылати сюда ваших клириков изследователями, и не попускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия». Предостережением отцов Карфагенского Собора в древности пренебрегли в Риме, в наше время его игнорирует Фанар.

Действия, предпринятые патриархом Варфоломеем и его синодом, их богословское обоснование вызывают особую тревогу потому, что в них содержится экклезиологическая доктрина, воспроизводящая католическое учение. Вот некоторые из высказываний патриарха Варфоломея, которые почти буквально повторяют аргументы апологетов исключительных прав епископа Рима: «Православие не может существовать без Вселенского патриархата»; «для Православия Вселенский патриархат служит закваской, которая "заквашивает все тесто" (Гал. 5:9) Церкви и истории»; «Вселенский патриархат несет ответственность за решение вопросов в церковном и каноническом порядке, поскольку он единственный имеет каноническую привилегию выполнять этот высокий долг». Именно это почти буквально утверждали применительно к своей кафедре епископы Рима в эпоху, предшествовавшую великому расколу, который и был спровоцирован подобными претензиями. В Священном Писании и Предании, в святых канонах нет и намека на подобную доктрину. Церковь чтит сонм святых из числа Константинопольских архиепископов и патриархов, но среди занимавших эту кафедру были, и не в малом числе, епископы, анафематствованные Вселенскими Соборами.

Новейшим актом попрания канонического строя церковной власти стали действия, направленные на самочинный отрыв Латвийской Церкви от кириархальной для нее Русской Православной Церкви. 8 сентября 2022 г. сейм Латвии по инициативе президента Э. Левитса внес поправки в закон о статусе Латвийской Православной Церкви, согласно которым ей предоставлена «автокефалия», устраняющая зависимость от зарубежных церковных центров. Латвийская церковь ранее имела статус самоуправляемой, дарованный ей Патриаршим томосом в 1992 г. В соответствии с ним она самостоятельно решает вопросы, связанные с ее взаимоотношениями с государством, пребывающим на ее канонической территории. Но при этом она состоит в юрисдикции Русской Православной Церкви, исторически являющейся для нее Матерью.

Вмешательство латвийских законодателей в сугубо внутренние церковные дела представляет собой курьез, экстравагантный с юридической точки зрения, тем более, что предварительно не принималось актов, которые бы усвоили Православной Церкви в Латвии статус государственной религии. Как и другие религиозные общины своей страны, она по-прежнему отделена от государства. А значит, государственная власть не обладает юридической компетенцией вторгаться в область ее внутренней жизни, в том числе и в вопрос о ее церковном статусе, о ее институциональном месте в православном мире. Даже в СССР, где в свое время Православная Церковь претерпела гонения, в юридическом плане вмешательство во внутрицерковные дела не декларировалось – соблюдались приличия, которые для современных властей Латвии не писаны.

И еще одно обстоятельство: принятая сеймом законодательная новелла обозначает неприкрытую дискриминацию значительной части населения страны по религиозному признаку. Уж если православным в Латвии воспрещается поддерживать каноническую связь с Матерью-Церковью, то на каком основании аналогичные запреты не распространяются на латвийских католиков, на верующих других конфессий и религий? Или, может быть, в Риге уже готовится закон, воспрещающий местной католической общине состоять в подчинении Ватикану, расположенному, как известно, вне Латвии и далеко от нее?

Ничего принципиально нового в дискриминационной политике латвийских властей нет. С самого начала повторного фазиса пресловутого латвийского суверенитета православные люди, родившиеся и выросшие в этой стране, подвергаются бесцеремонной дискриминации по национальному и языковому признаку. Русские и русскоязычные жители других национальностей лишены были политических и ряда гражданских прав, им в качестве удостоверения личности выдаются с намеренно издевательской целью так называемые «паспорта не-граждан». Очевидно, что если бы многочисленным «не-гражданам» Латвии было возвращено право участвовать в выборах парламента, он имел бы принципиально иной состав и не руководствовался бы в своем законотворчестве дискриминационными антиправославными и русофобскими мотивами.

Массовое лишение населения страны гражданских прав, беспардонное вмешательство светской власти в сугубо внутренние церковные дела – феномен не уникальный, но он имеет мало прецедентов в мировой юридической практике двух последних столетий. Рабство негров и мулатов отменено было в Соединенных Штатах в 1865 году. Столетие спустя, в каденцию президента Дж. Ф. Кеннеди, прекращена была политика сегрегации по отношению к этим категориям граждан (все-таки и тогда уже, в отличие от русскоязычных париев Латвии, граждан!). В Южной Африке апартеид, юридическое разделение населения страны на белых, черных и цветных, ушел в прошлое с падением там расистского режима в 1994 г. Для сравнения с тем, что происходит в Латвии, остается один исторический пример: издание в Нюрнберге в 1935 г. «Закона о гражданстве рейха» и «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести».

20 октября 2022 г. собор Латвийской Церкви обратился к священноначалию Русской Православной Церкви с просьбой о даровании Латвийской Церкви полной независимости, иначе говоря – автокефалии. Реагируя на это обращение, Священный Синод разъяснил, что, согласно действующему Уставу Русской Православной Церкви, эта просьба подлежит рассмотрению Архиерейским Собором, а затем – Поместным Собором Русской Православной Церкви, пока же ситуация остается неизменной: в отношении Латвийской Православной Церкви «действуют нормы, предусмотренные главой XII Устава Русской Православной Церкви» («Самоуправляемые церкви»).

Вопрос о законной, а не принудительной автокефалии Латвийской Церкви по разным причинам в повестке дня не стоит, тем более, что в сложившейся ситуации ее паства нуждается в особом покровительстве со стороны Церкви-матери, первенствующий престол которой находится на территории великого государства, способного постоять за себя и за своих друзей и не раз в истории протягивавшего руку помощи нуждающимся в ней. Развязанная более тридцати лет назад травля русскоязычного населения Латвии обрела ныне дополнительный ресурс в дискриминации православных, которые в сложившейся ситуации призываются к исповеднической ревности в отстаивании канонической правды, ибо «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24. 13). А ненавистникам православной России, разжигателям национальной вражды и религиозной розни не мешало бы припомнить, чем в прошлом заканчивались агрессивные поползновения на Православие и Святую Русь.

13 августа сего года митрополит Рижский Александр в сослужении двух архиереев совершил чин хиротонии архимандрита Иоанна (Липшанса) во епископа Валмиерского. Между тем, согласно Уставу Русской Православной Церкви, архиереи самоуправляемых церквей, к каковым относится и Латвийская Церковь (ЛПЦ), избираются синодами этих Церквей из кандидатов, утвержденных Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом. Ни Синоду, ни Патриарху кандидатура архимандрита Иоанна не была представлена на утверждение, а значит, его

архиерейская хиротония явилась актом самочиния и бесчиния. Налицо грубое попрание Устава, положения которого соответствуют каноническим нормам. Зато, по данным местных источников, его пресловутое епископство было заранее согласовано с правительством Латвии.

Кроме того, стало известно, что митрополит Александр уклонялся от канонического порядка богослужебного поминовения Предстоятеля Русской Православной Церкви, а также требовал от подведомственных ему клириков отказаться от канонического поминовения Патриарха Московского и всея Руси. Призыв Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 19 июля 2023 г. к сохранению церковного единства не возымел реакции со стороны предстоятеля Латвийской Православной Церкви. Священный Синод Русской Православной Церкви принял 24 августа 2023 г. постановление, осуждающее действия предстоятеля Латвийской Православной Церкви, направленные на разрушение церковного единства.

Всем, кто склонен по-лакейски угождать предержащим сиюминутную власть, стоило бы задуматься о печальных для них последствиях измены каноническому Православию как в жизни вечной, так и в сей временной жизни. Грех раскола, по словам святого Иоанна Златоуста, не смывается даже мученической кровью.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/90900/